

Жанна Чернова

Наслаждение быть мужчиной: западные теории и постсоветские практики / Под ред. Шерон Берд и Сергея Жеребкина. СПб.: Алетейя, 2008. 296 с. ISBN 978-5-9141-9149-5.

Жанна Чернова. Адрес для переписки: Государственный университет – Высшая школа экономики, кафедра социологии, ул. Союза Печатников, д. 16, Санкт-Петербург, 190008, Россия. Адрес электронной почты: chernova30@mail.ru.

Данный сборник представляет собой переиздание в книжном формате одного из номеров журнала «Гендерные исследования», выпускаемого Харьковским центром гендерных исследований (№ 14, 2006 год). Сама идея авторов сборника и составителей журнала, который, кстати, является на сегодняшний день единственным специализированным изданием по гендерным исследованиям на постсоветском пространстве, натолкнула меня на размышления не столько о маскулинности, сколько о «любимом» для постсоветского дискурса вопросе о состоянии дел данной академической дисциплины.

Тексты, представленные в сборнике, объединены в пять разделов, которые воспроизводят логику раскрытия темы, заявленной в названии, – западные теории и постсоветские практики.

Статья Шерон Берд «Теоретизируя маскулинности: современные тенденции в социальных науках», открывающая сборник, представляет собой теоретический обзор подходов, сложившихся в рамках мужских исследований, – психоаналитической теории маскулинности; теории социализации, где маскулинность рассматривается как гендерная роль; социально-психологической теории идентичности; профеминистского подхода, проблематизирующего отношения власти как конституирующего элемента категории мужественности. В итоге у читателя складывается представление о множественности парадигм изучения маскулинности, сложности данной категории, ее взаимосвязанности с такими стратификационными понятиями, как гражданство, класс, раса, этничность, сексуальная ориентация. Это делает данную работу крайне важной для русскоязычного читателя, поскольку знакомит его с современным состоянием дел в области исследований маскулинности, предоставляет необходимый понятийный и теоретический аппарат для дальнейшего использования (критического переосмысления) в собственных исследованиях. Кроме этого, текст обладает дидактической ценностью, его можно использовать, например, в преподавании (в дополнение к работам Игоря Кона), знакомя студентов с интеллектуальной историей этого направления гендерных исследований.

Другой ценной для меня находкой стал раздел «Мужчина в феминизме». Статьи Стефена Хиза «Мужской феминизм» и Розы Брайдотти «Зависть, или “с твоими мозгами и моей красотой...”» представляют собой разные точки зрения на мужской феминизм. Мужской взгляд на феминизм не только не обсуждается в постсо-

ветских гендерных исследованиях, но даже не входит в поле их зрения. Причины этого ясны не до конца: это происходит или из-за отсутствия маргинальности данного явления, или из-за малочисленности мужчин-исследователей постсоветской социологии, или же из-за принципиально иного круга научных интересов у них. Текст Стефена Хиза можно охарактеризовать как «позитивную программу» включения мужчин в феминистские и гендерные исследования. Соглашаясь, что феминизм – это знание о женщинах, произведенное женщинами, критически переосмысливающее сложившиеся структуры по (вос)производству не только фемининности, но и маскулинности, автор определяет свое положение как «ловушку». Оно обусловлено тем, что как исследователь, занимающийся гендерно-маркированными темами, он включен в дискурс феминисткой теории, а как мужчина он является частью структур и отношений, которые феминизм пытается изменить. По мнению Хиза, позитивная программа отношений мужчин к феминизму заключается в том, чтобы «учиться, узнавать и пытаться писать, или говорить, или действовать в соответствии с феминизмом и таким образом пытаться ни в каком качестве не быть антифеминистом, не поддерживать старые структуры угнетения» (с. 137–138).

Принципиально противоположная точка зрения представлена в работе Розы Брайдотти. Она не просто «сопротивляется самой идее» участия мужчин в феминистских исследованиях, она четко обозначает свою позицию: «мужчин нет и не должно быть в феминизме; пространство феминизма – не их пространство, и им не нужно его наблюдать» (с. 151). Данный тезис, сформулированный в начале статьи, может несколько обескуражить. *Что* это – проявление «оголтелого» феминизма, желание защитить свою «поляну» от посягательств других (в данном случае мужчин), не способных понять всю глубину и «полезность» данного интеллектуального направления? Но познакомившись с аргументами автора о произошедшей девальвации феминистских идей в академии, в том числе из-за присутствия мужчин-исследователей, я могу согласиться с финальным тезисом Брайдотти: «для того, чтобы избежать ловушек стандартного эссенциализма, позиционирующего женщину как изначально и конституционально другого, чтобы ее бесчисленные губы не повторяли заученные формулы, нам, феминисткам, нужен политический проект, практика, движение» (с. 160). Добавлю от себя, что применительно к сегодняшней ситуации не следовало бы редуцировать гендерные исследования, которые являются по сути критической теорией, до гендерологии, стерильной от феминизма, политически неопасной и описательной дисциплины, в которую они фактически уже превратились. Это не камень в чужой огород, а призыв, в первую очередь, к самой себе реализовывать личный феминистский проект как в частной, так и в профессиональной жизни.

Почему именно эти два текста представляются мне наиболее значимыми в анализируемом сборнике? Потому что они показали еще одну, новую точку проблематизации маскулинности в гендерных исследованиях. Такая постановка вопроса, как я уже заявляла, не характерна для постсоветских дискуссий, подобная проблематика находится не просто на периферии, а вообще не входит в список актуальных для теории гендера вопросов. Российская академическая наука находится в сложных отношениях с гендерными исследованиями. Несмотря на то,

что с формальной точки зрения последние институционализировались и заняли определенную нишу в интеллектуальном пространстве, фактически они были и остаются крайне маргинализованной и «геттоизированной» областью знания, разрабатываемой женщинами и посвященной женщинам (что позволяет определить их как женские исследования). Интерес к мужской проблематике возник в начале 2000-х годов, и он представляется сейчас скорее модным увлечением, чем важной частью «стратегического блока» в сфере гендерных исследований. Если посмотреть на библиографический список российских мужских исследований, то пик публикаций не столько по количеству, сколько по академическому качеству работ приходится также на начало 2000-х годов. На мой взгляд, сборник статей «О муже(N)ственности» под редакцией Сергея Ушакина – наиболее значимая работа, сделавшая качественный «прорыв» в мужских исследованиях в России (2002). Затем интерес спадает, и в последнее время найти серьезных работ, посвященных маскулинности/ям (за исключением текстов Игоря Кона) практически невозможно. Также, к сожалению, до сих пор нет теоретико-методологического аппарата изучения советской и постсоветской мужественности. Если гендерный контракт «работающая мать» (Айвазова 2001; Здравомыслова и Темкина 1996; Темкина и Роткирх 2002) как аналитическая категория позволяет концептуализировать специфику советского гендерного порядка и понять гендерную политику государства в отношении женщин, то мужской вариант остается незавершенным, распадаясь на отдельные категории (кризис маскулинности позднесоветского периода, советская модель отцовства).

Предложенные в сборнике статьи, призванные представить теоретические модели и постсоветские практики маскулинности, к сожалению, на мой взгляд, не смогли заполнить существующую лауну, напротив, они в очередной раз подтвердили сложившийся статус-кво в области гендерных исследований бывшего СССР с присущими ему тематическими и теоретическими различиями. Психоаналитическая рамка, использованная во многих статьях, прекрасно демонстрирует возможности данного подхода, но все-таки остается маргинальной для гендерного мейнстрима.

Тематически сборник также выглядит разношерстным, с заметным преобладанием анализа художественных (как визуальных, так и текстовых) проектов определенной географической локализации. Критики в данном случае достойна не столько редакционная политика журнала, сколько тот факт, что номер переиздан в форме сборника два года спустя без какой-либо доработки.

Мысль о запаздывающем знании гендерной теории, в данном случае применительно к мужским исследованиям, подтверждают выходные данные текстов западных авторов, перевод которых включен в сборник (публикации с 1987 по 2002 год). Бесспорно, что написанные около 10–20 лет назад тексты представляют определенный интерес и значимость для современного читателя, но они все же отдаляют нас от актуальной дискуссии в современных гендерных исследованиях, не дают представления возможных решений тех проблем, о наличии которых они заявляли. И самое главное в запаздывающем тренде освоения гендерной теории заключается в том, что русскоязычные исследования теряют свое конкурентное

преимущество в наднациональном и междисциплинарном поле гендерных исследований, работая в парадигме «вчерашнего дня» и консервируя «дискурсивную всеядность», характерную для начала 2000-х годов. Тем не менее представленный сборник, посвященный маскулинности, показывает, что гендерные исследования не исчерпываются «женской» тематикой, что маскулинность как аналитическая категория гендерной теории многообразна, биологически «не заземлена», а выстраивается на пересечении таких показателей, как возраст, класс, этничность, что делает необходимым говорить о ней не в единственном, а во множественном числе, создает еще одну «точку роста», возможность для дискуссии, в ходе которой и происходит выработка новых понятий, концептуальных схем и аналитических категорий.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Айвазова, Светлана. 2001. Контракт «работающей матери»: советский вариант // *Гендерный калейдоскоп: Курс лекций* / Под ред. Марины Малышевой. М.: Академия. С. 291–310.
- Здравомыслова, Елена и Анна Темкина. 1996. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // *Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период* / Под ред. Елены Здравомысловой и Анны Темкиной. Труды ЦНСИ. №4. С. 5–13.
- О муже(Н)ственности*. 2002 / Под ред. Сергея Ушакина. М.: Новое литературное обозрение.
- Темкина, Анна и Анна Роткирх. 2002. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // *Социологические исследования (Социс)*. № 11. С. 4–14.